

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шасси громко стукнулись о взлетную полосу, самолет тряхнуло, и особо впечатлительные пассажиры ойкнули. Хотя чего ойкать, все равно приземлились, хоть и неаккуратно. Сильно пожилая дама, сидевшая в соседнем кресле и всю дорогу читавшая роман под названием «В плену страсти», перекрестилась и, пока они подруливали к терминалу, достала из сумочки косметичку. Она неторопливо накрасила губы, припудрилась, надушилась, посмотрела на себя в зеркальце и, как заметил Округин, осталась довольна увиденным. Почти двадцать часов перелета из Сантьяго в Москву, а старушенция выглядит свежей и бодрой. Алексей попробовал распрямить попеременно обе ноги и понял, что получается плохо. Тело затекло и окостенело. И это в бизнес-классе. Как же чувствуют себя те, что летели в другом салоне? Впрочем, судя по соседке, развалиной себя ощущает только он.

Округин словно нехотя вылез из кресла и в числе последних пассажиров пошел к выходу.

«Оттягиваешь момент, когда уже не сможешь прятаться от несчастья? Засовываешь в песок свою тупую страусиную голову? Трус ты, Леха. Самый что ни на есть распоследний!»

От этой мысли Округин сразу разозлился и стал передвигаться быстрее. Вещей, кроме тех, что успел запихнуть в рюкзак, у него не было, поэтому через транзитный коридор, нигде не задерживаясь, он вышел в зону посадки на самолет до города детства и успел даже выпить чашку кофе, хотя рейсы были состыкованы впритирку друг к другу. Уже в салоне Округин с удивлением заметил, что недавняя соседка, мило улыбаясь, садится в кресло перед ним. Удобно устроившись, старушка достала свою книгу и с видимым удовольствием углубилась в чтение про плен и страсть. Что за прелесть! Скорее всего ей глубоко за семьдесят, а сил как у молодухи. Алексей подивился и тут же вспомнил деда. Тот и в восемьдесят восемь был крепок. Дети войны и послевоенной поры вообще отдельная тема для исследования. Столько пережили, а не сдаются и в старости. Наверное, у них какой-то ген специальный сформировался, от которого появляется повышенная стрессоустойчивость.

Взять хоть деда Макара. Никогда не думал о возрасте. Не ныл, не бегал по поликлиникам. Жил, работал, ждал приезда внука...

А тот не приезжал четыре года. Четыре года занимался своими проблемами и был уверен, что

нет ничего важнее. Его проблемы, они ведь самые проблемные проблемы в мире! А дед, он ведь вечный! Куда он денется?

Округин отвернулся к иллюминатору и закрыл глаза.

Когда двадцать два года назад Леха Округин уходил в армию, то не знал ничего о мире, о людях и о себе самом. Был прост, как правда, и невежественен, как недоросль Митрофанушка из бессмертной комедии Фонвизина. Именем прилагательным слово «дверь» он, конечно, не считал, но в целом был неучем еще тем.

Там, в армии, Леха встретил человека, который навсегда изменил его жизнь. Это был вовсе не умудренный жизненным опытом отец-командир, а такой же солдат, как Округин. Такой же, да не такой. Два года на соседних койках с потомственным виноделом Димкой Скоринным открыли недорослю глаза на то, чему он хочет посвятить жизнь. Леха решил, что тоже станет настоящим виноделом. Может быть, даже знаменитым.

Сказано — сделано. После дембеля, ненадолго заехав домой, где ждал его возвращения единственный близкий человек — дед Макар, парень отправился на виноградники Краснодарского края. Учиться и работать.

Все сбылось. За прошедшие с тех пор годы Алексей Округин сумел стать настоящим виноделом и известным в этой сфере специалистом. Было чем гордиться.

Вот только хвастаться успехами и победами теперь не перед кем. Несколько дней назад дед умер.

Пока Леха учился сначала в колледже, потом в институте и работал на чужих виноградниках, постигая азы виноделия, Макар Иванович поддерживал внука как мог. Не деньгами, конечно. Их в маленькой, состоящей их двух человек семье отродясь не бывало. Но упорству и умению никогда не сдаваться Алексей научился именно у деда. Паренек работал, как вол, как галерный раб, как проклятый, поэтому довольно быстро стал хозяином небольшой винодельни в Краснодаре. Потом расширился, заматерел, научился зарабатывать деньги и, наконец, решил попробовать открыть свою винодельню в Старом Свете.

По наивности Округин думал, что для успеха достаточно просто уметь делать хорошее вино. Он очень плохо представлял, как работают рыночные механизмы. Но именно это было важно. Европейские винодельческие круги неохотно пускали к себе пришельцев из других стран. И это, мягко говоря.

Сначала молодой и полный радужных надежд Округин пытался организовать бизнес в Испании, но ничего не вышло. В этой стране самостоятельно торговать на рынке могут только крупные винодельни, которые испанцы называют «бodegaми». Мелкие хозяйства обречены просто продавать им свой виноград. Алексей хотел большего, гораздо большего, поэтому, сделав еще несколько неудачных попыток, для воплощения своих «мечт» вы-

брал Португалию. Ему понравилось, что в этой чудесной стране хорошее вино можно делать абсолютно в любом месте, а не только на четко обозначенных территориях типа Дору или Минью, где делают знаменитое винью-верде, что в переводе означает «зеленое вино».

Округин обожал вина из местных сортов винограда, особенно розовые, немного игристые и очень легкие. Иногда, устав после тяжелого дня, он наливал холодное молодое вино в граненый стакан, когда-то подаренный ему дедом, и выпивал большими глотками, как в детстве лимонад. Голова становилась легкой, словно воздушный шарик, а накопившиеся проблемы смывались с души, как паутина серой гнили с листьев винограда под струей чистой воды.

Именно в Португалии Алексей наконец ощутил себя настоящим виноделом. Через семь лет каторжного труда, полного провалов и ошибок, он вышел на хороший уровень и впервые попробовал свои силы на престижном конкурсе в Париже. Его красное вино во время «слепой дегустации» высоко оценило жюри. Округин почувствовал, как за спиной выросли крылья, вдохновился и тут же влюбился.

Ее звали Дженнифер. Она выросла во Флориде. Здесь, в Париже, сопровождала выставку в качестве переводчика и была на тот момент совершенно свободной. Причем во всех отношениях. Потом Округин часто вспоминал, как Гоголь в «Мертвых душах» разделил местных дам на «просто прият-

ных» и «приятных во всех отношениях». Дженнифер, несомненно, была дамой приятной во всех отношениях, а значит, не страдала абсолютно никакими комплексами. Она выделила Округина из массы виноделов и сразу взяла в оборот.

К тому времени Алексею было уже за тридцать, и он считал себя вполне искушенным мацо. Однако головокружение от успехов плохо сказалось на его способности мыслить критически, поэтому пребывающий в эйфории винодел сразу ничего не понял и просто пошел на зов природы. Американка была хороша собой и воплощала именно тот тип, который обычно нравится мужчинам в определенном возрасте. Ноги, задница, грудь — все было высшей пробы. Дед Макар, любивший крепкие выражения, называл такой «набор» по-другому — «сиськи, письки и хвосты». Алексей вроде бы даже все понимал, особенно насчет «хвостов», но только когда дело не касалось Дженнифер. В этом случае он как раз был уверен, что в американку влюбился из-за ее неповторимого шарма и недюжинного интеллекта. Она так поразила его воображение, что роман закрутился стремительно.

Довольно долго умница Дженнифер держалась на расстоянии, в дела не лезла, не мешала, одеяло на себя не тянула. Алексей по-прежнему был поглощен работой и воспринимал присутствие рядом красивой женщины как бонус. Позже он понял, что именно его примитивно-утилитарный подход стал причиной того, что случилось.

Впрочем, сначала все шло прекрасно. Ушлая американка привнесла в его жизнь много нового, и он был ей благодарен. Она не говорила по-русски, и Округину поневоле пришлось улучшить английский, «подкачать» французский и португальский. Искушенная в хитросплетениях светской жизни любовница научила работягу-винодела достойно вести себя в любом обществе, носить костюмы от Тома Форда и выбирать правильную обувь. С ней он не то чтобы полюбил светские рауты, но стал извлекать из них пользу — знакомиться с нужными людьми, находить инвесторов, выстраивать отношения с истеблишментом. Модные постановки, выставки авангардных художников, даже показы мод на парижской неделе стали частью его жизни и многое дали в плане латания дыр в образовании. На какое-то время процесс так увлек Округина, что он напрочь отвлекся от работы и спохватился только тогда, когда брошенные без присмотра виноградники в Новой Зеландии чуть не сожрала мерзкая тля по прозвищу «филлоксера». Алексей оставил Дженнифер в Нью-Йорке в разгар сборов на премьеру нового мюзикла и улетел спасать свои драгоценные лозы.

В то время, когда бизнес в Европе только начинал проклевываться, Округин дал себе слово перестать материться через слово по старой привычке. Как известно, русские матом не ругаются, они «им разговаривают». Молодому бизнесмену казалось, что в культурной европейской среде навык виртуозного владения ненормативной лексикой оценен

не будет. Все проблемы, возникающие во время работы, он решал цивилизованно, на хорошем литературном языке. Все вроде бы шло нормально, и рабочие отлично его понимали. Сломался он как раз в Новой Зеландии. Оказалось, вместо того чтобы срочно начать бороться с прожорливой тлей, новозеландский народ сосредоточился на горячем обсуждении перспектив распространения филлоксеры и вариантов найти работу у другого хозяина, чьи лозы тля к тому времени сожрать не успеет.

Вот тогда Округин понял, что нет в мире доходчивей слова, чем русское матерное идиоматическое выражение, и закон этот работает по всему земному шару, от Камчатки до Занзибара, далее — везде.

Работать сразу начали все и весьма дружно. Округин даже повысил свой рейтинг в местных кругах. Жалко только, филлоксера мата не понимала и подыхать не торопилась.

Избавиться от зловредной тли было непросто, поэтому на новозеландских виноградниках пришлось проторчать почти три месяца. Он вернулся, готовый извиняться за то, что так неожиданно оставил подругу одну, но, к его удивлению, она словно не заметила отсутствия бойфренда и встретила так, словно они расстались вчера. Округин счел это добрым знаком, потому что не терпел, когда женщины начинали обижаться, дуться и играть в молчанку. Решив, что ему необыкновенно повезло с любовницей, он уехал в Чили контролировать сбор урожая. Дженнифер с ним

не полетела. Ее пригласили сопровождать выставку в Сан-Франциско, и Округин был даже доволен тем, что она занята, и ему никто не мешает. Все было просто прекрасно. Он вернулся соскучившимся. Она была счастлива. На волне обоюдной радости они махнули в Андорру кататься на лыжах. И пусть из фешенебельного курорта в Гранд-валлире Округин уехал раньше, поскольку его присутствия требовали недавно приобретенные виноградники в Тоскане, отдых в горах принес массу удовольствия.

В таком духе их отношения продолжались четыре года. Изредка Алексей подумывал о том, что они с Дженнифер так и не сблизились настолько, чтобы сделать следующий шаг и поговорить о свадьбе. Мысли подобного рода приходили нечасто, ни к чему конкретному не вели, и все шло по-прежнему.

А потом он совершенно случайно узнал, что довольно давно Дженнифер живет еще с одним мужиком. Так сказать, параллельно. Стала понятной ее свёрхспокойная, близкая к равнодушной, реакция на его отсутствие, а также нежелание надолго уезжать вместе с ним. Попутно выяснилось, что второй любовник живет за его, Округина, счет, потому как к сорока годам пребывает в статусе не признанного миром гениального художника. Алексей был не то чтобы оскорблен, но раздосадован. Роль рогоносца сама по себе малопочтенная, а рогоносца, который оплачивает услуги того, кто эти рога ему наставляет, — вдвойне.

Он не стал устраивать разбор полетов, а просто уехал в Россию, заблокировав все кредитные карты, оформленные на любовницу. В Крыму как раз начинали возрождаться винодельни, уничтоженные когда-то в пылу борьбы за трезвость, и дел было невпроворот. Рефлексовать по поводу личной трагедии оказалось абсолютно некогда, все пришлось начинать с нуля, каждый шаг давался тяжело, чему Округин был несказанно рад.

В один из коротких перерывов Алексей съездил к деду в Воронеж. Макар Иванович как раз распрощался с почетной должностью вахтера на проходной одного из заводов и был свободен. За несколько лет до этого Алексей подарил ему квартиру в центре, дед перебрался туда из родовой развалюхи в деревне и довольно быстро привык к городской жизни. Приехав, Округин сразу затеял ремонт на кухне, до которой у неприхотливого Макара Ивановича не доходили руки, заставил старика пройти серьезное обследование и отправил в отличный кардиологический санаторий. Пару раз навестил его там, чтобы убедиться в качестве лечения, а за сим отбыл обратно в Крым возрождать отечественное виноделие.

Было это четыре года назад. Алексей собирался приехать к деду месяцев через пять-шесть, но тут началась «санта-барбара» с Дженнифер.

Почему-то Округин пребывал в железобетонной уверенности, что она расстанется с ним легко, ведь все было так очевидно. И ошибся. Как истинно американская женщина Дженнифер по-

дала на него в суд за то, что своим пренебрежением и частыми отлучками он спровоцировал ее на измену. На фоне переживаний у бедной девушки развилась неврастения и возникла угроза астмы. Пока Округин приходил в себя от такой наглости, адвокаты, работу которых она оплачивала украденными у бывшего любовника деньгами, рьяно принялись за дело. И кто знает, чем бы все закончилось, если бы он не платил своим адвокатам намного больше. Тяжба в лучших американских традициях тянулась почти год. Выбраться из этой истории Алексею все же удалось, хотя и не без потерь.

Однако правду говорят, что беда не приходит одна. Чуть только Округин пришел в себя, и предприимчивая американка окончательно исчезла из его жизни, как в Чили, где он к тому времени имел самые обширные виноградники, случился «сахарный» скандал. Виноделов нескольких хозяйств Центральной долины уличили в добавлении в сладкие вина некоего вещества, входящего в состав антифриза. Сама по себе добавка была не опасна, но публика была шокирована. Разразившийся скандал привел к кризису в виноделии страны и затронул даже тех, кто, подобно Округину, выращивал виноград совсем в других регионах и никогда не мухлевал. Чилийские вина просто перестали покупать. Это был удар ниже пояса. Алексею пришлось, не отвлекаясь ни на миг, работать день и ночь три года, чтобы сохранить то, что создавалось непосильным трудом.